

ДОСТОЕВСКИЙ И ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ

В письмах Достоевского 1879 г., являющихся ценнейшим автокомментарием к роману «Братья Карамазовы», разъясняющих его религиозно-философский смысл, главными, «кульминационными» книгами романа названы «Pro и contra» и «Русский инок», задуманные как своеобразный диалог друг с другом, причем вторая содержит косвенные ответы на «проклятые вопросы» человеческого бытия, поставленные в первой.

В разъяснении Достоевского (письмо к Н. А. Любимову от 11 июня 1879 г.), в книге «Pro и contra» «закончено то, что „говорят уста гордо и богохульно“. Современный отрицатель, из самых ярых (Иван Карамазов. — Н. Б.), прямо объявляет себя за то, что советует дьявол,¹ и утверждает, что это вернее для счастья людей, чем Христос. Нашему русскому, дурацкому (но страшному социализму, потому что в нем молодежь) — указание и, кажется, энергическое: хлебы, Вавилонская башня (то есть будущее царство социализма) и полное порабощение свободы совести — вот к чему приходит отчаянный отрицатель и атеист! (...) В следующей книге произойдет смерть старца Зосимы и его предсмертные беседы с друзьями (...) Если удастся, то сделаю дело хорошее: *заставлю сознаться*, что чистый, идеальный христианин — дело не отвлеченное, а образно реальное, возможное, воочию предстоящее, и что христианство есть единственное убежище Русской Земли ото всех ее зол» (30₁, 68).

Достоевский в данном случае имеет в виду прежде всего четвертую и пятую главы книги «Pro и contra» — «Бунт» и «Великий Инквизитор». Напомним, что писатель сближал католицизм и социализм, усмотрев лежащую в их основе общую идею насильственного единения человечества на атеистических началах и построения «земного царства» (новой Вавилонской башни) путем чуда, тайны и авторитета (оба они — и католицизм и социализм, по мысли писателя, приняли все три искушения дьявола, отвергнутые Христом в пустыне).

Достоевский во многом признает обоснованность отрицания своих героев, ибо «мир во зле лежит». Однако пути преобразования мира писатель видит не в насильственном его переустройстве согласно

---

¹ Речь идет об евангельском рассказе о трех искушениях Христа в пустыне (Мф. 4: 1—11, Лк. 4: 1—13).

отвлеченным теориям («европейский путь»), ведущем к еще худшему рабству, а прежде всего в «переустройстве» души человеческой, в духовном и нравственном возрождении как отдельного человека, так и нации в целом.

Попытку обосновать возможность подобного «русского» мирного православного пути возрождения России Достоевский предпринял в «Братьях Карамазовых».

Атеистическим тезисам Ивана Карамазова «Если Бога нет, то все позволено» и «Нет преступления, нет и греха» в романе противопоставлена православная идея всеобщей вины и ответственности за зло, царящее в мире.

«...возьми себя и сделай себя же ответчиком за весь грех людской, — поучает Зосима. — Друг, да ведь это и вправду так, ибо чуть только сделаешь себя за всё и за всех ответчиком искренно, то тотчас же увидишь, что оно так и есть в самом деле и что ты-то и есть за всех и за вся виноват» (14, 290).

Соответственно не было традиционным и представление Достоевского о русском деятеле и характере его деятельности. Деятельности, направленной лишь на изменение внешних условий жизни («деятель» — излюбленный тип русской литературы XIX в.), Достоевский противопоставляет *делание*, направленное на переустройство, возрождение души человеческой на основе идеалов Христа, что, по мнению писателя, являлось необходимой предпосылкой национального возрождения России. «Были бы братья, будет и братство, а раньше братства никогда не разделятся», — говорит Зосима (14, 286—287).

Оппонентом нигилиста и атеиста Ивана Карамазова является в романе «чистый идеальный христианин» Зосима, способный «заразить душу влиянием», «восстановить падшего человека», готовый, следуя примеру Христа, пострадать «за всех и за вся».

Все возраставший в 1870-е гг. интерес Достоевского к «Святой Руси» и ее виднейшим представителям — от древнерусского периода до современного — вполне закономерен. Именно здесь ищет писатель реальные прообразы типа «идеального христианина», православного «делателя».

Среди реальных прототипов старца Зосимы ученые называют Амвросия Оптинского, Тихона Задонского, Игнатия Брянчанинова, иеромонаха Аникиту (князя С. А. Ширинского-Шихматова — о нем см. статью Б. Н. Тихомирова в наст. издании, с. 202—215).²

В числе византийских и древнерусских православных святых, получивших отражение в творчестве Достоевского (Иоанн Лествичник, Феодосий Печерский, Нил Сорский и некоторые другие),³ следует

---

² См.: Плетнев Р. В. Сердцем мудрые: (О «старцах» у Достоевского) // О Достоевском: Сб. статей / Под ред. А. Л. Бема. Прага, 1933. Т. 2. С. 73—92; Зандер Л. Монашество в творениях Достоевского: (Идеал и действительность) // Зап. Русской академической группы в США. Нью-Йорк, 1981. Т. 4. С. 169—186; Беловолов (Украинский) Г. В. Старец Зосима и епископ Игнатий Брянчанинов // Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1991. Т. 9. С. 167—178.

³ См.: Буданова Н. Ф. О некоторых источниках нравственно-философской проблематики романа «Бесы» // Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1988. Т. 8. С. 93—107.

упомянуть и Сергия Радонежского, не привлекавшего специального внимания достоюедов.

В февральском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. Достоевский охарактеризовал Сергия Радонежского, Феодосия Печерского и Тихона Задонского как носителей высоких религиозно-нравственных и исторических идеалов русского народа.

«А идеалы его (народа. — *Н. Б.*) сильны и святы, и они-то и спасли его в века мучений; они срослись с душой его искони и наградили ее навеки простодушием и честностью, искренностью и широким всеоткрытым умом, и всё это в самом привлекательном гармоническом соединении» (22, 43). Святость идеалов русского народа, по неоднократным разъяснениям писателя, состоит прежде всего в том, что в глубинах народного духа сохранился — как высочайший идеал — неискаженный образ Христа, утраченный или замутившийся в западном христианстве.

Личность преподобного Сергия Радонежского привлекала Достоевского своей яркой самобытностью и исторической масштабностью. Напомним, что преподобный Сергей Радонежский (в миру Варфоломей Кириллович, ок. 1321—1322—25 сентября 1391/1392), основатель и игумен Троицкого монастыря (впоследствии Троице-Сергиева Лавра), прозванный Радонежским по названию подмосковного города Радонеж, был крупным церковным и общественно-политическим деятелем Руси XIV в., идейным вдохновителем единения национальных сил в борьбе с Золотой Ордой; сподвижником великого князя Дмитрия Донского в его подготовке к Куликовской битве; святым Православной церкви (канонизирован в 1452 г.), почитаемым в народе как молитвенник, печальник и заступник Земли Русской.

Преподобный Сергей, как полагает Г. Федотов, «в еще большей степени, чем Феодосий (Печерский. — *Н. Б.*), представляется нам гармоническим выразителем русского идеала святости, несмотря на заострение обоих полярных концов ее — мистического и политического». «На Куликовом поле, — пишет Г. Федотов, — оборона христианства сливалась с национальным делом Руси и политическим делом Москвы. В неразрывности этой связи дано и благословение преподобного Сергия Москве, собирательнице государства русского».⁴

В. Н. Топоров относит подвижников Феодосия Печерского, Сергия Радонежского, Кирилла Белозерского, оптинских старцев к особому типу святости, для которого главным было «труженичество во Христе», «понимаемое как творческое собирание души, духовное трезвение, забота о мире, чтобы он не остался вне света Христова, христианизация жизни, быта и самого „мирского человека“, „ветхого Адама“ (...)

Святые этого типа прежде всего строители, и их подвиг отличается некоей соразмерностью, „согласием“ составляющих его начал и „работ“, особой „трезвостью“, продуманностью, осмотрительностью.

---

⁴ Федотов Г. Святые Древней Руси. М., 1990. С. 153, 152. См. также. Кологривов И. Преподобный Сергей Радонежский // Кологривов И. Очерки по истории русской святости. Брюссель, 1961. С. 85—109; Павел Флоренский, свящ. Троице-Сергиева Лавра и Россия // Павел Флоренский, свящ. Избр. труды по искусству. М., 1986. С. 219—244.

Монастырь и мир, духовное и светское, возвращение души и христианизация политики — все это гармонически сочетается в едином целом, хотя его части никогда не сливаются воедино, оставаясь, однако, предметом общих забот. Но и в одной и в другой области святой подвизается, *подражая Христу, подобно Ему*.⁵

Знаменательно, что Достоевскому был особенно близок *этот* тип русской святости, «труженичества во Христе», и в частности «труженический» подвиг преподобного Сергия Радонежского, органически сочетавшего духовное и общенациональное созидание.

Сергий Радонежский, наряду с упоминавшимися Иоанном Лествичником, Феодосием Печерским и Нилом Сорским, Тихоном Задонским, Амвросием Оптинским и другими, отчасти явился идеальным прообразом Тихона и Зосимы («Житие Великого грешника», «Бесы», «Братья Карамазовы») — на этот счет есть прямые свидетельства писателя.

Разъясняя в письме к Н. А. Любимову от 7 (19) августа 1879 г. смысл высылаемой в Москву книги шестой части второй «Братьев Карамазовых» «Русский инок», названной им «кульминационной точкой романа», Достоевский отмечает: «Взял я лицо и фигуру (Зосимы. — Н. Б.) из древнерусских иноков и святителей: при глубоком смирении надежды беспредельные, наивные о будущем России, о нравственном и даже политическом ее предназначении. Св. Сергий, Петр и Алексей митрополиты⁶ разве не имели всегда, в этом смысле, Россию в виду?» (30₁, 102).

Преподобный Сергий несомненно сыграл существенную роль в формировании у Достоевского концепции «русского инока».

«Отцы и учителя, что есть инок? — рассуждает Зосима. — В просвещенном мире слово сие произносится в наши дни у иных уже с насмешкой, а у некоторых и как бранное (...) А между тем сколь много в монашестве смиренных и кротких, жаждущих уединения и пламенной в тишине молитвы. На сих меньше указывают и даже обходят молчанием вовсе, и сколь подивились бы, если скажу, что от сих кротких и жаждущих уединенной молитвы *выйдет, может быть, еще раз спасение земли русской!* Ибо воистину приготовлены в тишине „на день и час, и месяц и год“. Образ Христов хранят пока в уединении своем благолепно и неискаженно, в чистоте правды Божией, от древнейших отцов, апостолов и мучеников, и, когда надо будет, явят его поколебавшейся правде мира. Сия мысль великая. От востока звезда сия воссияет» (14, 284; курсив мой. — Н. Б.).

Следует обратить особое внимание на слова старца Зосимы, что из монастыря выйдет «еще раз спасение земли русской»: совершенно очевидно, что в первый раз оно также вышло из монастыря — из Троице-Сергиевой Лавры и связано непосредственно с преподобным

⁵ Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. М., 1995. Т. 1. С. 608—609.

⁶ Митрополиты Петр (ум. в 1326) и Алексей (Алексий, ум. в 1378) — святые Православной Церкви. Оба занимали активную гражданскую позицию, содействуя своей деятельностью национальному единению Руси. Достоевский, проявлявший постоянный интерес к русской истории, мог почерпнуть сведения о них из «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина

Сергием, духовным вождем великого национального возрождения России.

Основной же смысл и назначение «русского инока» Достоевский видит, как об этом свидетельствует приведенная цитата, в том, чтобы хранить образ Христов «благолепно и неискаженно, в чистоте правды Божией», завещанный «от древнейших отцов, апостолов и мучеников». Отметим попутно, что в явлении в будущем, когда придут сроки, этого незамутненного образа Христова «поколебавшейся правде мира», и состоит, по мысли Достоевского, основное содержание «русской идеи».

Существенно и другое суждение Зосимы: «Инока корят его уединением: „Уединился ты, чтобы себя спасти в монастырских стенах, а братское служение человечеству забыл”. Но посмотрим еще, кто более братолюбиво поусердствует? Ибо уединение не у нас, а у них (в миру. — *Н. Б.*), но не видят сего. А от нас и издревле деятели народные выходили, отчего же не может их быть и теперь?»⁷ Те же смиренные и кроткие постники и молчальники восстанут и пойдут на великое дело. От народа спасение Руси. Русский же монастырь искони был с народом» (14, 285).

Думаем, что слова о деятелях народных, вышедших из стен монастыря, о «смиранных и кротких постниках и молчальниках», восставших на «великое дело», относятся прежде всего к преподобному Сергию Радонежскому, благословившему князя Дмитрия Донского на Куликовскую битву и приславшего ему, как повествует летопись, двух иноков — Пересвета и Ослябю.

Жития Сергия Радонежского, восходящие к древнейшим Епифаниевской и Пахомиевской редакциям XV в., включались в некоторые летописные и крупные книжные своды; они вошли, в частности, в состав Великих Миней Четиих митрополита Макария, в «Книгу Житий святых» Димитрия Ростовского. К XIX в. относится ряд сочинений житий преподобного Сергия.⁸

С житием Сергия Радонежского Достоевский был знаком прежде всего по имевшемуся в его личной библиотеке изданию избранных житий святых.⁹ Так, в частности, в этом издании (см.: Сентябрь) находим известный эпизод с медведем, который навещал святого в лесу и с которым он делился своей скудной пищей. Этот эпизод из «Жития» преподобного Сергия особенно полюбился Достоевскому. Черновые записи: «Монастырь. „Дай Бог доброй ночи нам и всем диким зверям”», «О медведе» (9, 136, 138) в черновых подготовительных набросках к «Житию Великого грешника» предвосхищают поучения старца Зосимы в «Братьях Карамазовых» о безгрешности и доверчивости животных,

---

⁷ Близкая мысль выражена в черновой записи к шестой книге «Братьев Карамазовых» (15, 248).

⁸ Достоевский мог читать, в частности, «Житие преподобного Сергия Радонежского», составленное митрополитом Филаретом (М., 1835; 2-е изд.: М., 1848); «Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия Радонежского и всея Руси чудотворца», изданное в Сергиевом Посаде в 1853 г.

⁹ См.: Избранные жития святых, кратко изложенные по руководству Четиих Миней М., 1860—1861.

с которыми «Христос еще раньше нашего» (14, 268), о необходимости доброго и любовного к ним отношения. И как иллюстрацию к своей мысли, что «и у них (животных. — Н. Б.) Христос (...) ибо (...) всё создание и вся тварь, каждый листик устремляется к Слову, Богу славу поет, Христу плачет, себе неведомо, тайной жития своего безгрешного совершает сие» (Там же), Зосима вспоминает эпизод из «Жития» Сергия Радонежского (прямо не называя имени святого). Он рассказывает о том, как «приходил раз медведь к великому святому, спасавшемуся в лесу, в малой келейке, и умилился над ним великий святой, бесстрашно вышел к нему и подал ему хлеба кусок: „Ступай, дескать, Христос с тобой“, и отошел свирепый зверь послушно и кротко, вреда не сделав» (Там же). Этот рассказ Зосимы намечен черновой записью в «Исповеди старца», где уже прямо называется имя святого: «Люби животных, медведь и Сергей» (15, 244).

Другим источником сведений о преподобном Сергии явилась для Достоевского «История Государства Российского», которую писатель прекрасно знал, так как, по его собственному признанию, «возрос на Карамзине» (29₁, 153). Имя Сергия Радонежского упоминается рядом с именем Карамзина в черновом наброске предисловия к «Подростку», где Достоевский пишет о своем повороте к славянофилам с целью «воскресить мечты детства (читал Карамзина, образы Сергия, Тихона)» (16, 329).

В главе X 4-го тома «Истории Государства Российского» есть рассказ об основании Троице-Сергиевой Лавры и ее создателе. Преподобный Сергей, «жив долго пустынником в лесах дремучих, среди безмолвного уединения и диких зверей, близ деревянной церкви Св. Троицы, им созданной, основал нынешнюю Лавру: ибо слава о добродетели его привлекла к нему многих иноков. Строгая набожность и христианское смирение возвеличили св. Сергия между современниками».¹⁰ В примечании к этой главе Карамзин приводит обширный отрывок из «Повести о святом Сергии», вошедшей в Никоновскую летопись, где, в частности, есть и эпизод о медведе: «Прихожаху к нему звери мнози; един же медведь часто не злобы ради приходит, но снеди ради. Святой же изнесе хлеб из келии своя и полагаше на кладе и на пни; медведь же ядыше тихо и весело зряше на святого. Святой же благодаря Бога, яко лютый зверь послан на утешение ему, и яко овца водворишеся с ним в пустыни».¹¹ Братское общение святого с медведем очевидно символизировало для Достоевского гармоническое единство всего творения и его общего устремления к Творцу; оно как бы явилось земным отдаленным прообразом того райского состояния, когда, как об этом свидетельствует Библия, «волк будет жить вместе с ягненком, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их» (Ис. 11:6; ср. 65:25).

И еще одна художественная деталь связывает роман «Братья Карамазовы» с Сергием Радонежским (она не отмечена в реальном ком-

¹⁰ Карамзин Н. М. История Государства Российского. М., 1992. Т. 4. С. 165.

¹¹ Там же. С. 323.

ментарии к роману в ПСС писателя): в главе «Великий инквизитор» Иван Карамазов упоминает, что «к иным праведникам, по жизнеописанию их, сходила сама Царица Небесная» (14, 226). Здесь речь идет об известном из житий Сергия Радонежского видении ему (первому из русских святых) Божьей Матери.¹²

К 1864 г. относится неосуществленный замысел публицистической статьи Достоевского о Дмитрие Донском и Куликовской битве, навеянный, как об этом свидетельствуют письма писателя, полемикой историков Н. И. Костомарова и Н. М. Погодина об исторической роли Дмитрия Донского. Достоевский собирался выступить против костомаровского нигилистического «разбивания народных кумиров», против дискредитации историком личных достоинств и исторических заслуг Дмитрия Донского.¹³ Несомненно, что в этой статье Достоевский не забыл бы и о Сергии Радонежском, благословившем Дмитрия Донского на великую битву.

В своей общей оценке личности и исторической роли Сергия Радонежского Достоевский, очевидно, был близок к историку В. О. Ключевскому. Последний в статье «Значение преподобного Сергия Радонежского для русского народа и государства», опубликованной уже после смерти Достоевского (1892), отметил, что имя преподобного Сергия «из исторического воспоминания сделалось вечно деятельным нравственным двигателем и вошло в состав духовного богатства народа (...) При имени преподобного Сергия народ вспоминает свое нравственное возрождение, сделавшее возможным и возрождение политическое, и затверживает правило, что политическая крепость прочна только тогда, когда держится на силе нравственной. Это возрождение и это правило — самые драгоценные вклады преподобного Сергия, не архивные или теоретические, а положенные в живую душу народа, в его нравственное содержание».¹⁴

---

¹² Посещение святого Божьей Матерью и эпизод с медведем встречаются также в житиях Серафима Саровского. Однако упоминаний имени этого прославленного русского святого в произведениях, черновиках и письмах Достоевского обнаружить не удалось.

¹³ Об этом замысле см.: *Викторович В. А.* О двух историко-публицистических заметках Достоевского // *Достоевский: Материалы и исследования.* Л., 1986. Т. 6. С. 137—148.

¹⁴ *Ключевский В. О.* Исторические портреты. М., 1990. С. 75—76.